

Берегите нас, поэтов,
Берегите нас.

Булат Окуджава

Станислав РАССАДИН

Как известно, вскоре после есенинской смерти Маяковский написал стихи-реквием, или, скорее, стихи-спиритизм. Нет, не совсем так. Не сама по себе смерть оказалась толчком к созданию стихотворения «Сергею Есенину», но — общественная реакция, если этим холодным словом можно назвать не только некрологи и статьи, а и череду, почти эпидемию самоубийств, последовавшую за уходом любимого поэта и за его прощальным словом: «В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей». «С этим стихом», — сказал Маяковский, — можно и надо бороться стихом и только стихом». Так и возник полемический парадокс есенинского прощания: «В этой жизни умереть не трудно. Сделать жизнь значительно труднее».

Надо быть большим негодяем, чтобы хихикать по тому поводу, что всего через четыре года после написания этой отповеди сам поэт-полюстим покончил с собой. Дело, однако, в том, что и тут, в смерти, оба они, соперничавшие при жизни, оказались в положении категорически равном, — имею в виду все ту же реакцию. Не властей, не прессы, а тех, кого снисходительно называли уличей, хотя надо бы — народом.

Всем памятно предсмертное письмо Маяковского. Трагический документ государственного человека, который свое прощание с миром открывает громкогласным обращением: «Всем!», оправдывается перед рапповцами, спорит с ничтожным Ериловым. И насколько — ну, скажем, интимнее, проще, общепонятнее уход Есенина — при всей романсовой надвигности процитированных строк.

В этих немудреных сентенциях — «не ново... не новей», — в этой трогательнейшей банальности, в этом никем не оставленном Есенина желании выглядеть перед уличей и ее поэтом — своего рода, по моему мнению, неуступчивость. Независимость — да, да, это при его-то всеобщем желании нравиться.

Замечательно, что та же улица вдруг напала на Маяковского, что и он — поэт, как бы старательно ни притворялся чем-то иным, как бы ни наступал подкованной заграничной подошвой на хрупкое горло своей лирической песни. Его письмо запели нищие и беспризорные в поэдах, прочитав, услышав его по-своему:

Товарищ правительство, пожайте мою маму

И белую лилию, сестру.
В столе лежат две тыщи.
Пусть финиспектор азычит,
А я себе покойничку помру.

Как было? «Товарищ правительство! Моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты обеспечишь им сонную жизнь — спасибо». И вот деловитые строчки, указывающие на заслуги покойного, достойные пенсия его семье, у поездного певца преображаются в эмансипированную Лилию Юрьевну в вечный символ женственности: «В лилию», — обращение к власти звучит человеческой просьбой, которая, с точки зрения «средних людей» (выражение Зощенко), выражает наиболее понятную форму их отношения к государству: «пожайте».

А Есенин... Его прощальный привет стал песней мгновенно, не потребовав переделки, разве что продолжался, обстая — с легкой руки Вертинского, по мановению его длинных пальцев — новыми строчками: «До свиданья, друг мой, догоришь свечки...» — и т. п. Есенин как был, так и остался своим. Плоть от народной плоти. Дух от духа. И попытку это именно так, как казалось бы, не понять тех, кто то и дело воскрешает версию — будто Есенин умер не сам, ему помогли умереть «враги народа»?

Так испуганно в снежную выдубль
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гильза,
Я настрелю к тебе выхожу!
...Пусть для сердца тягуче колко,
Эта песня зеринных прав.
Как охотники травят волка,
Зажимая в тиски обаяв.
...О, привет тебе,

зверь мой любимый!

Ты недаром даешься ноку!
Как и ты — я, отсюда зонимый,
Средь железных врагов прохожу.
Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпиротев вражеской крови
Мой последний,

смертельный прыжок.
Сергей Есенин

Мне советовали выкрасить кожу. Не-
лестный ли волк, стрижень-
ный ли волк, он все равно не похож
на пуделя. Со мной и поступили как с вол-
ком.

Михаил Булгаков

Мне на плечи кидается век-волкодла...
Осип Мандельштам

Идет охота на волков, идет охота...
Владимир Высоцкий

«Я верую в пророчества пивов», — ска-
зано в «Борисе Годунове». Правда, говорит
это Гришка Отрепьев, поощряя холуя-сти-
хотворца, который предсказывает самозван-
цу победу и получает за то награду. Так
что Пушкин здесь достаточно ироничен, и
жаль, что мы, подхватив у него вполне
серьезное сравнение поэта с пророком, не
корректируем эту серьезность хотя бы до-
лей его же иронии.

Когда Цветаева просит у Бога: «Дай мне
смерть», можно ли говорить, что она напро-
сто заявила свою петлю в Елабуге? И да, и нет:
ведь эту просьбу я вырвал из строк, где
она, в сущности, ничуть не трагична: «Ты
дал мне детство — лучше сказки и дай мне
смерть — в семнадцатый лет!» Писано как
раз в пору семнадцатилетия, на четвертый
день после именин, и, в общем, является не
более чем поэтическим вариантом бытового
«умри я на этом месте» — в чем, в чем, а
уж в этой поговорке, как ни беиса, про-
рочества не заподозришь. Или — вот случай,
более чем часто понимаемый в связи с мыс-
лою о «пророчествах пивов» — строки по-
этов-фронтовиков, еще накануне войны
угадывавшие свою гибель: «Мы, любастые
мальчишки невиданной революции... в двад-
цать пять внесенные в смертные религии»

(Павел Коган). «Вы в книгах прочитаете,
как миф, о людях, что ушли, не долбив,
не докурив последней папиросы» (Николай
Майоров). И ушли, не вернулись — и Май-
оров, и Коган, и другие, но верно ли на-
зывать пророчеством, которое всегда индиви-
дуально, то, что было очевидно многим, чу-
ющимся приближением страшной войны?

Правда, есть особые случаи. Та же Лилия
Брик справедливо заметила, как постоянна
в поэзии Маяковского тема самоубийства. А
Есенин — хотя бы со стихами об обречен-
ном волке, в котором поэт видит товарища
по несчастью? А — Мандельштам, Булга-
ков, Высоцкий?

Что до Есенина, можем продолжить: «Ес-
ли раньше мне били в морду, то теперь вся
в крови душа... И эту гребовую дрожь как
ласку новую приемлю... Оттого пред сонмом
уходящих я всегда испытываю дрожь». Дей-
ствительно — всегда, постоянно, как будто
зовет и торопит свой конец, но задумываясь
о том, что обычно чем чаще говорят о
смерти, тем больше ее страшится и не хо-
тят. О патологических исключениях не го-
ворю — разве Есенин и патология совме-
стны?

Да, все знаем: об алкоголизме, разруша-
вшем тело и душу, о скандалах и прочем, но

самого. Он играл, когда явился в салон
Гиппиус и Мережковского в бубне, пора-
зившей Зинаиду Николаевну. «Как на вас
странные тетки», — сказала она, направив
на есенинские ноги лорнет, а он ответил —
будто бы простодушно: «Это валенки». Он
играл и тогда, когда они с Николаем Кле-
вым, оба еще неизвестные, взяли по ведру с
краской, кисти и пришли на дачу поэта Го-
родецкого, в ту пору — знаменитости и мэ-
тра, красить забор за соблазнительно ма-
лую цену. Покрасили, пошли, как водится,
на кухню за харчем и магарычом и, к изум-
лению хозяина, начали читать стихи. В об-
щем, как заметил иронический Виктор
Шкловский, «доставили Сергею Митрофа-
новичу Городецкому удовольствие себя от-
крыть».

Когда-то Петр Яковлевич Чаадаев, по ча-
сти иронии и язвительности ни с кем не
сравнимый, заметил, что, когда славянофил
Константин Аксаков появляется на моско-
вских улицах в костюме, который считал
истинно русским, народ принимает его за
персиянина. Что до Есенина, то не нужно
иметь ни единого чаадаевского ума, ни
рекламерского опыта Маяковского, чтобы
увидеть в его лаптях и рубашке с крестика-
ми — как позже в блестящем цилиндре,

«Все молчали. Лица были взволнованы и
строги. Лишь один пожилой турист со зна-
чением выговорил:
Да, были люди...»

Правда, по другой версии, исходящей от
доловотских друзей, некие старушки-пуш-
кинолочки, наоборот, в ярости попытались
побить незадачливого эрудита зонтиками,
но, знаете, почему-то верится в первую
версию. Тут ведь не только ошибка автора
и невежество его слушателей — а ежили и
невежество, то не совсем того рода, как во-
прос, заданный тогда же тому же Долова-
тову: «Была ли А. П. Керн любовницей Есе-
нина?» Есенин, принятый за Пушкина, —
это произошло помимо всего прочего от за-
чарованности нежностью и гармонией, тем,
что всегда, при всех броских различиях,
родственно.

Да! Есенин — с его судьбой, завершив-
шейся в петле, с непростым, деликатнейше
выражаясь, характером, с нескладным,
скандальным, нервным бытом — по
складу своего дарования был предназначен
для радости. Притом — долгой. Он был ро-
жден для того, чтобы стать воплощением
любви, и в этом его... Счастье? Пожалуй,
но скорее для нас. Для него это обернулось
несчастьем — и вполне закономерно. Это

телепередач и статей, обвиняющих в убий-
стве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-ге-
бистов? Выбор не сильно широк, но упорст-
но в отыскании неوبرимо. Хотя мало того,
что на этот счет есть ряд разъяренных спе-
циалистов (мне особо запомнилась статья
профессора Б. Садковского в «Независимой
газете» трехлетней давности), — но как же
эта шпиономания отводит от действитель-
ной драмы, определенной Блоком, который
поставил диагноз своей и не только своей
судьбы: «...Поэт умирает, потому что ды-
шать ему уже нечем...» И вряд ли те, что
шарят в потемках, ища по углам террори-
стов, понимают: они умиляют угрозу, опо-
шляют мольбу художника: «Берегите нас,
поэтов...» (ведь не телехранителей же он
просит!). В общем, сводят трагедию суще-
ствования к частной злокозненности. В
самом деле — подумай, некий подослан-
ный убийца (даже если за ним «органы»),
некий заговор или вроде того, то есть, в
сущности, та или иная случайность, чья-то
личная, пусть могущественная, злая воля.

Я сказал: Есенин был рожден, предназна-
чен для радости и гармонии, для счастья,
которое он хотел делить со всеми: «Счасть-
ем, тем, что целовал я женщин, мля цветы,
валялся на траве и зверье, как братьев на-

могилу Гумилев и Мандельштам, кончив-
ший с собой Маяковский, «всего лишь» за-
гнанные Ахматова и Пастернак. Но в этот
трагический хор Есенин внес свою и только
свою шепчущую, теноровую ноту.

Я жил в одной квартире с Ильфом.
Вдруг поздно вечером приходит Катаев и
еще несколько человек, среди которых
Есенин. Он был в смокинге, лакированных
туфлях, однако растерзанный — видно,
после драки с кем-то.

...Потом он читал «Черного человека».
Во время чтения схватился неуверенно
(так как был пьян) за этажерку, и она
упала.

До этого я «Черного человека» не слы-
шал.

...Это было прекрасно. И он был необы-
чайным и растерзанным, пьяным,
злой, золотоволосый, и в кровоподтеках
после драки.

Юрий Олеши

...Он встал, прислонился к притолоке,
полуживой свои вдруг помутневшие глаза
смертельно раненого человека, может
быть, даже животного — оленя, — и своим
особым, насаженным, со странным ак-
центом голосом произнес:

То ли ветер свистит над пустынь и
безлюдным полем, то ль, как рошу в сен-
тибры, оспает мозги алкоголь. Голова
моя машет ушами, как крыльями птицы.
Ей на шее ноги маячат больше невмочь.
Черный человек, черный, черный, черный
человек на кровать ко мне садится, чер-
ный человек спать не дает мне всю ночь.

Валентин Катаев

Странно — впрочем, не для Есенина, у
кого трагедия живет о бок с надеждой, даже
легкомыслием, — но «Черный человек», са-
мое бесцельное из его произведений, за-
ставляет вспомнить строки забавные. О
мальчике, ковыряющем в носу: «Ковыряй,
ковыряй, мой милый, суй туда палец весь,
только вот с эфтой силой в душу свою не
лезь». Совет шуточный, но выстраданный, и
страдание никакой шуткой не прикроешь,
даже той, что заключена в строчках, иду-
щих следом: «Я собираю пробы — душу
мою затыкать». Поздно — истыкана, изра-
нена, не только бесцеремонными пальцами
посторонних, но и самим собою.

Черный человек, двойник — образ из са-
мых традиционных в поэзии.

На память мгновенно приходит: ну, разу-
меется, Пушкин, у кого черный человек
смущает душу Моцарта. Блок, повстречав-
ший «старшего юношу»: «Быть может,
себя самого я встретил на гряди зеркаль-
ной?» Гейне: «Двойник! Ты — призрак! Иль
не довольно ломаться в муках тех стра-
стей?» И все они образуют контраст есе-
нинской поэме, выявляют ее своеобразие.
Да, Гейне и Блок узнают в двойниках са-
мих себя, как и Есенин воспроизвел в своем
«прескверном госте» собственную душу и
биографию, вплоть до узнаваемых переи-
птий («...И какую-то женщину, сорока с
лишним лет, называл скверной девочкой и
своею милой»), — но предостереженники гля-
дят со стороны, находят поодаль. У Пуш-
кина черный человек вовсе фигура матери-
альная, как было и на деле (но пришло к
Моцарту, чтоб заказать ему «Реквием»; по-
сланец некоего великожи). А Есенин...
Впрочем, стоп! Есть в русской словесности
нечто очень и очень похожее — говорю о
дневниковой записи Константина Батюш-
кова, говорящей, что в нем сосуществуют два
человека, белый и черный. «Оба живут в
одном теле... Белый человек спасает чер-
ного слезами перед Творцом, слезами живого
раскаяния и добрыми поступками перед
людьми...» Заметим: это писано поэтом, чей
светлый разум вскоре поглотили и наслед-
ственная душевная болезнь до конца жизни
свергнет его в черную тьму.

Черный человек Есенина, разумеется, ни-
что не материален — не то что моцартов-
ский визитер. Он, являясь двойником поэта,
отражаясь, как у Блока, в зеркале, по-ей-
наксясь повторять его жесты, от него ни в ко-
ем случае не отдален. Не отдален. Куда
там! Он — не раздвоенность, как у Батюш-
кова, а двоянность, умножение болезнев
точек, совесть, занятая самообличием:
«Черный человек глядит на меня в упор. И
глаза покрываются голубой бевотой», —
словно хочет сказать мне, что я жулик и
вор, так бесстыдно и нагло обокрававший ко-
го-то? Слово хочет сказать — то есть и
говорит неизбежно: Есенин сам все
способен сказать за «гостя». И — вот уже
окончательное расхождение с Батюшковым:
там белый спасает черного, здесь черный
всеравен, со стороны поэта нет даже и
попытки самооправдания. Не потому, что
велик грех, а потому, что огромен счет — к
миру, к себе самому.

В сущности, «Черный человек» — это
уже акт самоубийства, совершенный пока
что в слове. Это приговор самому себе, это
(вспомним опять размышления Пастернака)
отказ от воспоминаний, то есть от прошло-
го, от себя, от жизни.

Надрыз? О да — и в буквальной
смысле. Есенин надорвался. Причин его
расчетов с жизнью сколько угодно: и утра-
та родного уклада («Вот сдвинули за шею
деревню каменные руки шоссей» — заметил,
сдвинули, слово удавочки!), и разочарова-
ние во власти, и т. д., и т. п. Включая, конечно,
алкоголизм, но, как сказал один негугный и
ныне охавший человек — Чернышевский,
может, слышали? — поэт Байрон пьет и
спивается все-таки не по той же причине,
что сапожник по мастеровье.

Как ни странно это прозвучит (тем более
в нашей действительности, где столько рас-
стрельных и лагерных судеб), поэт сам вы-
бирает свою судьбу. Действительность —
не выбирает, а судьбу — да. «Вы себя бе-
рете за руку и ведете на казнь», — было
сказано Мандельштаму усталым собе-
седником, но то же можно сказать о Есени-
не. Не то чтобы у него не было попытки —
конечно, не приспособиться, однако по-
верить тому, во что хотелось верить, вос-
петь то, что требовалось воспевать, но даже
и тут было сказано с опасной откровенно-
стью: «Отдам всю душу октябрь и маю, но
по Пушкинскому слову, тут неразделенность
«душу в заветной лире».

Есенин — это не только дивные стихи; он
— да, да, повторю, и такой, и такой — еще
и образец нравственной неуступчивости.
Того, что отнюдь не помогает физически
выжить. «Берегите нас, поэтов...» — эти
слова из эпиграфа потому так и важны, что
сами поэты себя не берегут.

РОКОВАЯ ПЕЧАТЬ

Как ни парадоксально, но именно тех поэтов,
которых больше всего знаем и любим, мы подчас
меньше всего понимаем. Впрочем, парадокса нет:
употребляя банальнейшее сравнение, мы меньше
всего думаем о воздухе, которым дышим, — до той
самой поры, пока нам хватает озона.
Есенин — как воздух, и слава Богу, что теперь даже
трудно представить, как еще на памяти старших
поколений это имя было практически под запретом,
и его, как воздух, откачивали из нашей культурной
среды. Но именно потому, что без поэзии Есенина
мы не мыслим себя и Россию, мы не часто
задумываемся над загадкой его обаяния и загадкой
его гибели... Что до последней, здесь как раз
слишком много поверхностных домыслов, которые и
сейчас, в дни юбилея, сеет наше ТВ.
«Век» отмечает есенинскую дату попыткой
проникнуть в секрет неповторимой прелести поэта и
заодно производит как бы опыт частного
расследования действительных причин его гибели.

вот что вышло из-под пера, еще не зна-
ющего, что скоро оно — кровью — выведет
в постиние «Англетер» предсмертные стро-
ки. Вот что написано всего за пять месяцев
до смерти: «Видно, так заведено навеки —
к тридцати годам перебесечь, все сильней,
прожженные калек, с жизнью мы удержи-
ваем связь». И — немногим раньше в сти-
хах, где Есенин меряется славою с Пуш-
киным: «А, обреченный на тоненьке, еще я
дожду буду петь...» Вот оно как! Гонение,
отчетливо сознаваемое, неотступное, неиз-
бежное («как и ты — я, отсюда гоним-
ный...»), — даже оно не мешает уверенно-
сти или по крайней мере надежде, что петь
ему предстоит долго. И если речь все же
зайдет о смерти, то, ей-богу, никак не сер-
ьезней, чем в юношеских стихах Цветаевой.
Не трагически, а — радостно. Там просьба:
«Дай мне смерть в семнадцатый лет» —
только подчеркивала, каким сказочным бы-
ло детство, увя, уходящее. Здесь же: «Я
умер бы сейчас от счастья, сподобившись
такой судьбы», то есть пушкинской судь-
бы, пушкинской славы, от которых счастливо
кружится честолобная голова.

Странно? Или — естественно для Есени-
на?

В первый раз я его встретил в лаптях и
в рубаше с какими-то вышивками крестика-
ми... Он мне показался опереточным,
буффонским. Тем более что он уже пи-
сал нравящиеся стихи и, очевидно, рубил
на сапоги нашились бы.

Как человек, уже в свое время относив-
ший и отставивший желтую кофту, я де-
ловито осведомился относительно одежды:
— Это что же, для рекламы?

Есенин отвечал мне голосом таким, ка-
ким заговорили бы, должно быть, ожив-
шие лампадные масла.

Что-то вроде:
— Мы деревенские, мы этого васшего не
понимаем... мы уж как-нибудь... по-наше-
му... в исконной, посконной...
Его очень способные и очень деревен-
ские стихи нам, футуристам, конечно, бы-
ли враждебны.

Но малый он был как будто смешной и
милый.

Уходя, я сказал ему на всякий случай:
— Пари держу, что вы все эти лапти да
петушки-гребешки бросите!

Есенин возражал с убежденной горяч-
ностью.

...Я его встретил уже после революции
у Горького. Я сразу со всей врожденной
неделикатностью заорал:

— Отдавайте пари, Есенин, на вас и
пиджак и галстук!

Есенин озлился и пошел задирается.

Владимир Маяковский

Вообще-то Маяковский, конечно, прав,
говоря о буффонском облике молоденького
Есенина, и злился тот зря. Тем более —
что такое буффония? «Предметы театраль-
ной обстановки», — сухо объясняет сло-
варь, и, разумеется, есенинские петушки-
гребешки, тальянки и балаалайки были теат-
ром. Игрой — для окружающих и для себя

также, прямо скажем, не ходоком для двад-
цатого века головным уборе, — вот именно
буффония. Художник Юрий Анненков,
знаменитый иллюстратор «Двенадцати»
Блока, рассказывал: как то ли в 1914-м, то
ли в 1915-м году, будучи у него в гостях,
Есенин, наряженный соответствующим об-
разом, ухаживал за анненковской горнич-
ной. Причем говорил с ней «такой изощрен-
ной фольклорной рязанской (а может быть,
и вовсе не рязанской, а ремизовской) ре-
чью, что, ничего не понимая, Настя, называв-
шая его, несмотря на козловоротку, «бары-
ню», хихикнув, убежала в кухню». Да, уже
в юности Есенин был литератором до мозга
костей, знавшим толк в словесной игре, и
если действительно говорил с горничной
Настей по-рязански, то с такой стужебно-
стью и картинностью лексики, которая де-
лала его речь «ремизовской»: имела в виду
Алексей Ремизов, великий мастер стилиза-
ции. А много позже, в эпоху цилиндра и ла-
ковых шпильте, Есенин и вовсе откровенно
обнажил театральную природу своих ко-
стюмных фантазий: «Я хожу в цилиндре не
для женщин — в глупой страсти сердце
жить не в силе, — в нем удобней, грусть
свою уменьшишь, золото оно давать кобы-
ле... Так мы ему и поверили, что фатоват-
ный цилиндр — наилучшая замена торбе с
овсом!»

«Есенин к жизни своей отнесся как к
сказке», — писал Пастернак. — Он Иван-
царевичем на сером волке перелетел океан
и, как жар-птицу, поймал за хвост Айседо-
ру Дункан. Он и стихи свои писал сказоч-
ными способами, то, как из карт, расклады-
вая пасьянсы из слов, то записывая их кро-
вью сердца». Да, именно сказка или, снова
и снова скажу, игра — то в инко, то даже
в скандальности и хулигане, как на реальных
были его алкогольные экскалады в быту. Это
спровоождало Есенина всю жизнь, не оста-
вив и в самой смерти. Пресловутая «кровь
сердца», на сей раз буквальный, насчет ко-
торой мрачно пошутил все тот же Маяков-
ский: «Может, оказался чернила в «Англете-
ре», вены резать не было б причины», — и
та разне не стала последним проявлением
необычного мальчишества?

Есенина невозможно представить стари-
ком — впрочем, как и Блока, и Маяковско-
го, но к тому же ему не по характеру ни
блуждающая величавость, ни государственная
поступь «Владимир Владимирович». К его облику
— при всем его трагизме судьбы — вообще
как-то очень подходит веселые легенды,
вроде тех, что рассказывает Валентин Ка-
таев в мифоманной книге «Алмазный на
венец», или... Да вот хотя бы из «Заповед-
ника» Сергея Довлатова, то есть история,
случившаяся много после смерти поэта, как
бы продолжающая его легендарность. Пове-
ствую о своих полукровных приключениях
в роли экскурсовода по Пушкинским Го-
рам, Довлатов пишет: однажды, ввечая да
верчивым экскурсантам, что «поэт то и де-
ло обращался к явне в стихах», посвятив ей
«такое, например, задушевные строки», он
скак, например, как читает стихи — да,
задушевные, но уж никак не пушкин-
ские: «Ты жива еще, моя старушка!..» Но:

ведь заблуждение, будто поэт гармониче-
ского склада, доверчиво желающий миру
добра, полный надежды сделать этот мир
лучше, — будто он обеспечен их встречным
доброжелательством. К несчастью, как пра-
вило, наоборот.

Мы не имеем понятия о сердечном терза-
нии, предшествующем самоубийству. Под
физической пыткой на дыбе ежеми-
нноту теряют сознание, муки истязания
так велики, что сами невыносимостью
своей близят конец. Но человек, подверг-
нутый палаческой расправе, еще не уни-
тожен, впадая в беспамятство от боли, он
присутствует при своем конце, его про-
шлое принадлежит ему, его воспоминания
при нем, и если он захочет, может вос-
пользоваться ими, перед смертью они мо-
гут помочь ему.

Приходя к мысли о самоубийстве, став-
ляя крест на себе, отворачиваются от
прошлого, объявляют себя банкротами, а
свои воспоминания недействительными.
Эти воспоминания уже не могут дотянуть-
ся до человека, спасти и поддержать его.
...Мне кажется, Маяковский застрелил-
ся из гордости, оттого, что он осудил что-
то в себе или около себя, с чем не мог
мириться его самолюбие. Есенин поспеш-
ил, толком не вдумавшись в последствия и
в глубине души полагая: как знать, может
быть, это еще не конец и, не ровен час,
бабушка еще найдется гадала.

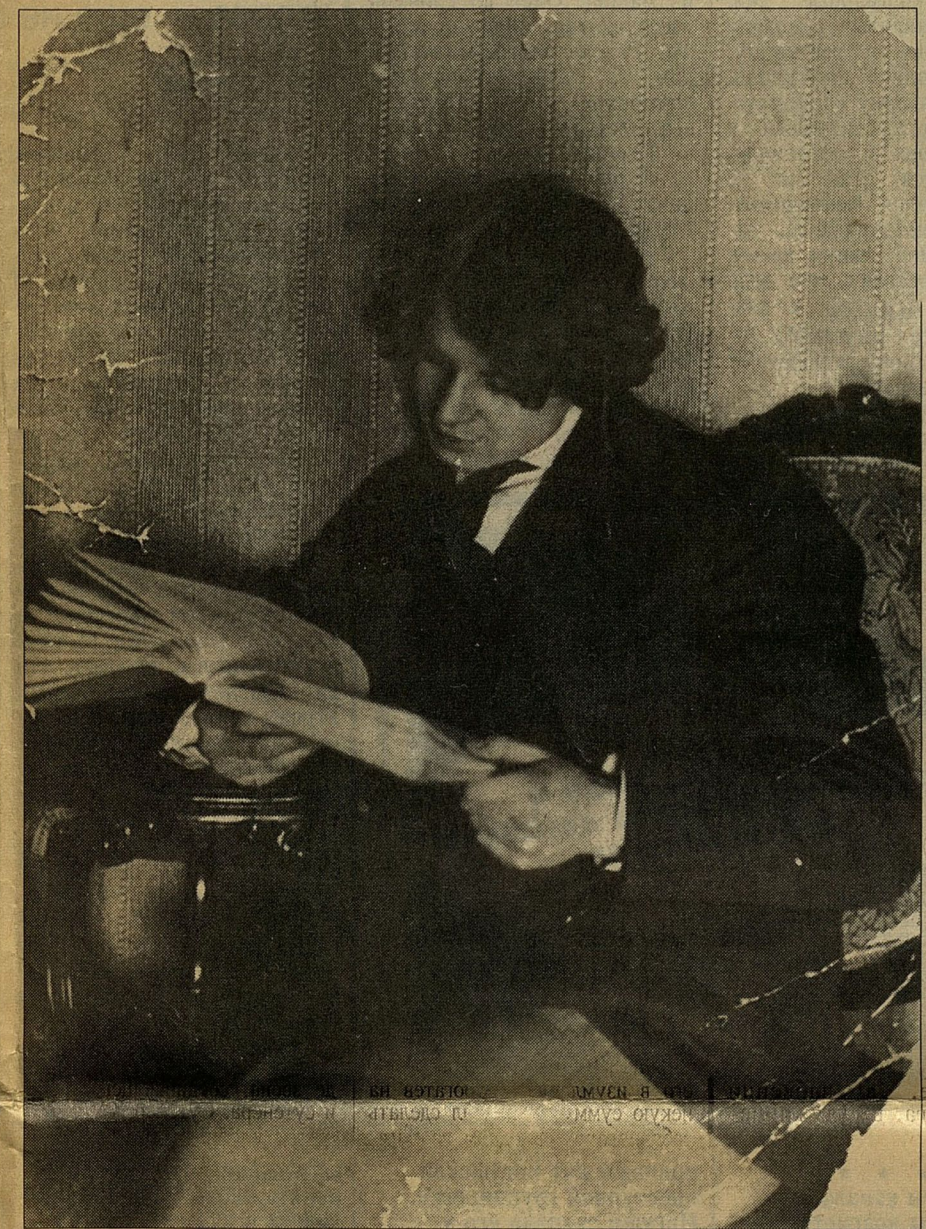
...Но все они мучились неопишимо, му-
чилились в той степени, когда чувство тоски
уже является душевною болезнью. И по-
мимо их таланта и светлой памяти участ-
ливо склонился также перед их страдания-
ем.

Борис Пастернак

Итак: «...Объявляют свои воспоминания
недействительными». Но это словно подслу-
шано у Есенина, сказавшего за год до са-
моубийства: «А я, стубивший молодость
свою, воспоминаний даже не имею».

Кратко, как диагноз.

У одного нынешнего стихотворца есть
строки, почти престелные в своей простоду-
шной мании величия: «Да, жив Данте». Он
жив опасно. Жив до сегодняшнего дня.
Ежеминутно, ежечасно он может выстрел-
ить в меня». Смешно. Но мы не очен-то
заслужили право смеяться, потому что в
жажде дилетантских сенсаций все время
ищем Дантесов, как раньше искали вреди-
телей и шпионов; норовим наивно персона-
лизировать убийную силу целого общества,
государства, миропорядка — схватить за
шкродливую руку и выволочь на свет, ска-
жем, масона или иного супостата. Уж на
что очевидна история гибели Маяковского,
что то наш телезудный Молчанов пове-
дает, что его-де убили, то авангардист-ли-
тератор Кедров уверит, что поэта вели к
самоубийству, травя психотропными препара-
татами: мол, не зря его квартира кишела
чекистами (даром, что Маяковский их сам
завлекал). Даже смерть Блока Владимир
Солоухин как-то объявил насильственной
— что ж говорить о Есенине? Сколько было

Сергей Есенин